

какой бы то ни было разницы, — не один во мне и другой в другом человеке, одинаково нераздельно, не ограничено и не обособленно от меня, словно Он вообще не во мне; но все же Он, будучи Богом, — во всем и везде. Сие я почитаю за истинную и здравую христианскую веру, и сие означает воздавать Богу честь в Его единственном Сыне, через Которого нас Отец возродил и взял в Своей неизреченной любви в сыновья. Со сказанным согласуется также и то, чему учит св. Фома, ч.1-II, вопр. 108, ст.1.

А вот то, что следует в конце этой же самой статьи: «Мы преобразуемся и преосуществляемся в Бога», является ошибкой. Ведь святой или благой человек, кем бы он ни был и как бы тесно он ни был связан с Богом, не становится все-таки Самим Богом и Самим Христом, или Первородным, и другие через него не спасаются. Он — не «образ Бога», как Его единородный Сын, но «по Его образу» — «член» Того, Кто воистину и вполне является «Сыном, Первородным, а равно Наследником», тогда как мы, как сказано, — «сонаследники»¹¹⁸⁵. И это стремится выразить пример, о котором следует речь, именно: как многие хлеба различного возраста преосуществляются в Него Самое, — в истинное и единственное Тело Христа, зачатого и рожденного девой Марией и пострадавшего при Пилате (при том, что ощутимые признаки отдельных кусков остаются), так и наш дух через сыновнюю благодать, и вообще мы [целиком] соединяемся с истинным Божьим Сыном как члены единой церковной главы, каковая является Христом.

2. Когда во второй статье говорится: «Человеку высокого рода мало быть [... единородным Сыном,... он хочет быть и Отцом] и т.д.», то сие, судя по тому, как оно слышится, является заблуждением, если только здесь нет желания заметить, как у Августина в кн. IX «О Троице», что от познаваемого, с одной стороны, и от познающего — с другой, так сказать, произрастает побег, принадлежащий сообща познающему и познаваемому¹¹⁸⁶. То же самое происходит между созерцающим и созерцаемым, между объектом ощущения и ощущением в состоянии действия, по слову философа¹¹⁸⁷. И когда душа познает, мыслит и любит Бога, образ в нас бывает совершенней, чем тогда, когда она любит и мыслит себя, как говорят Августин¹¹⁸⁸ и учителя. Принимать сие во внимание и наставлять в этом народ весьма полезно и ведет к нравственной жизни и доброму поведению, поскольку это побуждает людей, часто и охотно помышлять о Боге и любить Его больше, чем себя самого или что-нибудь тварное.

Можно было бы также сказать, что душа жаждет объединения с Богом в Его полноте, когда Он пребывает в Себе, не имея частей, — не так, что нечто от Бога является Отцом, а нечто иное является Сыном, но так, что Отец как рождающий — один и тот же в Своей полноте, и Сын как рожденный — совершенно тот же в Своей полноте, и Дух Святой как дуновение — тот же самый в Своей полноте. И вот, когда душа взыскует объединения с Богом в Его полноте, она хочет стать единой не только с Сыном, но и с Отцом и с Духом Святым, ибо один и Тот же Бог есть Отец и Сын и Святой Дух, и сии Трое суть Бог неделимый.

3. Когда в третьей статье говорится: «Добродетель имеет корень, вкопанный и углубленный в основании Божества и т.д.», то следует сказать, что сие верно и восходит к тому, чему учит Плотин, говоря о четырех ступенях добродетелей, а именно: о гражданской, об очищающей, о добродетели просветленного разума и образцовой¹¹⁸⁹, — об этой также рассуждает Фома в ч.1-II, вопр.61, в последнем отрывке¹¹⁹⁰. И все сие весьма полезно [познать], дабы воздать хвалу истинной добродетели любви, корнем и последним основанием которой является Святой Дух. И вот так человек, словно «реки, текущие вспять к тому месту, откуда они вытекают»¹¹⁹¹, должен быть обеспокоен тем, чтобы стяжать любовь. Ибо корнем всякой